

СУДЬБА СУДЕБНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ: ВЕК XIX И ВЕК XXI

Аннотация: Исследуются исторические, социальные и политические основания, обусловившие необходимость проведения судебных, правовых и уголовно-процессуальных реформ в России в середине 19-го и в конце 20-го веков в комплексе иных социальных преобразований, их обоснование в научных источниках. Рассматриваются порядок реализации судебных реформ, их основные этапы, нормативные источники (Судебные уставы 1864 года и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, органическое уголовно-процессуальное законодательство), их характеристика в научных источниках и источниках судебной практики, их ключевые итоги. Анализируются контрреформы, их реализация в уголовно-процессуальном законодательстве и характеристика в научных источниках и судебной практике. Применяются диалектический, сравнительно-правовой, исторический, формально-догматический методы научного анализа, общенаучные методы анализа и синтеза, использованы современные достижения науки уголовно-процессуального права. Выявлены и охарактеризованы общесоциальный фон, содержательные и общественно-психологические причины, цели и направления реформ 1864 года и 90-х годов 20-го века, юридическая технология их проведения, особенности развития в уголовном процессе положений реформ, причины и следствия их постепенного отторжения юридической практикой, вызвавшего явление «контрреформы». Обосновано уникальное сходство всех этих моментов, несмотря на очевидное различие исторических этапов в развитии отечественного государства, правосудия и уголовного судопроизводства. Аргументировано признание большей результативности и несопоставимой структурной логичности Судебных Уставов 1864 года по сравнению с уголовно-процессуальным правом современной России. Сделаны выводы о тождественности судьбы судебных реформ в России, заключающейся в нереализованности их социального потенциала, что является основанием для разработки концепций новой судебно-правовой реформы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, судебно-правовая реформа, Судебные Уставы, разделение процессуальных функций, независимость суда, судебный следователь, судебная контрреформа, дополнительное расследование, объективная истина.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11261

...законными и полезными могут быть признаны только такие реформы, которые являются дальнейшим развитием новой системы, а не возвращением, явным или скрытым, к прежнему порядку вещей.

К.К. Арсеньев, 1870 г.¹

«Все возвращается на круги своя...», «история развивается по спирали», «история имеет свойство повторяться» – кому не известны эти знаменитые изречения, характеризующие ход и развитие исторического процесса? Оглядываясь на историю отечественного правосудия

и уголовного судопроизводства, нельзя не заметить, насколько эти слова справедливы для характеристики 150-летнего пути, который прошли российское следствие и суд, да и в целом российская государственность с момента принятия Судебных Уставов 1864 года, которым было суждено оставить неизгладимый след в процессуальной науке и практике. В сущности, с того момента понятие «судебно-правовая реформа» прочно вошло в лексикон ученых-юристов и фактически не покидает его (за редкими перерывами) до настоящего времени. Так, вслед за реформой 1864 года, были реформы начала XX-го века, потом советские декреты о суде и первые уголовно-процессуальные кодексы. В 50–60-е годы на волне «хрущевской оттепели» проходила еще одна масштабная реформа уголовно-процессуального

¹ Арсеньев К.К. От автора // Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. – С. – Петербург, 1870. – С. III.

законодательства. Наконец, с началом нового, демократического этапа в развитии России, ознаменованного всенародным принятием действующей Конституции и одобрением в 1991 году Концепции судебной реформы², началась и новая судебно-правовая реформа³.

Именно сравнительному анализу реформ, начавшихся в середине XIX века и на рубеже XX и XIX веков, стоит уделить особенное внимание: их причинам, ходу, а главное, их итоговой судьбе.

Причины обеих реформ удивительно похожи не только по своему содержанию, но и по обще-социальному фону, в котором им предстояло развиваться. И в XIX веке, и в конце века XX Россия стояла перед фундаментальным выбором, куда двигаться дальше, притом, что практически все понимали, что оставаться на дореформенных позициях общество уже не в состоянии. В первом случае проблемы явно обнажило поражение в Крымской войне, во втором – банкротство коммунистической идеологии и социалистического типа экономики вкупе с исчезновением Советского Союза как геополитической реальности. В обоих случаях реформы не предполагались как обособленные проекты, а должны были быть включены в систему масштабной перестройки всей совокупности общественных и государственных

институтов в стране. В Российской Империи наряду с судебно-правовой были в итоге осуществлены крестьянская (отмена крепостного права), земская, военная, административная и иные реформы. В современной России вслед за принятием Конституции во многом заново были разработаны все отрасли права: конституционное, гражданское, трудовое, земельное, уголовное, гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное. Появились ранее не известные отрасли финансового, налогового, арбитражно-процессуального, пенсионного, муниципального права. Были приняты новые законы, регламентирующие деятельность суда и правоохранительных органов, были созданы новые судебные (арбитражные суды и мировые судьи) и правоохранительные органы (ФСКН, Следственный комитет и др.).

С содержательной стороны, обе анализируемые судебно-правовые реформы имели в качестве миссии утверждение новых ценностей процессуального порядка с тем, чтобы его лицо повернулось от безличного образа государственной власти к лицу конкретного гражданина, будь то потерпевший или обвиняемый.

В Судебных Уставах 1864 года утверждалось отделение суда от административной власти, упразднение его сословного характера, вводились гарантии его независимости, закреплялось разделение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела по существу, само обвинение изымалось из прерогатив полицейской власти в пользу власти прокурорской. Существенному ограничению подверглось розыскное начало в уголовном процессе, была сформирована такая стадия уголовного процесса, как предварительное расследование, полномочия по которому опять же были переданы представителю власти судебной в лице ее особого должностного лица – судебного следователя, наделенного соответствующей самостоятельностью. Формальная оценка доказательств заменялась свободой оценки по внутреннему убеждению, тайный характер судебного заседания сменился его гласностью, у основных участников уголовного процесса появились процессуальные права в современном их понимании, в том числе и право на защиту. Подданным также предоставлялось право участия в отправлении правосудия (через суд присяжных заседателей), учреждался институт мировой юстиции, максимально приближенный к нуждам местного населения⁴. С учетом изменений судебной, прокурорской,

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.

³ В 2004 году автору настоящей статьи на одной из конференций, проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова, посчастливилось наблюдать удивительно тонкую и доброжелательную дискуссию, возникшую между выдающимися учеными-процессуалистами профессором Константином Федоровичем Гуценко, к сожалению, недавно ушедшим в мир иной, и профессором Надеждой Георгиевной Муратовой по поводу того, что есть судебно-правовая реформа, нужна ли она, шла ли она в действительности в то время и т.д. Константин Федорович в целом склонялся к тому, что существенных изменений УПК России, принятый в 2001 году, в систему уголовного процесса не привнес, особенно на фоне оставшейся неизменной организационной структуры предварительного расследования и судебной системы, а потому все научные публикации, повествовавшие о реформе, несколько не корректны. Надежда Георгиевна в ответ на это рассказала историю, что при подготовке докторской диссертации она проанализировала все сборники материалов научных конференций, проводившихся в Казанском университете, начиная с 60-х годов XIX века и заканчивая началом века XXI, и выявила их удивительное качество: почти все из них в названии имели слово «реформа». Надежда Георгиевна заметила, что, исходя из этого, судебно-правовая реформа в России, начавшись в 1864 году, так и не завершилась, а потому мы жили, живем и, видимо, будем еще долго жить в условиях ее проведения. Весьма меткое замечание, если учесть объем обновления отечественного уголовно-процессуального законодательства, которое ежегодно проводится законодателем и сегодня в России.

⁴ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916. // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 36–44.

полицейской систем и учреждения присяжной адвокатуры, российский уголовный процесс выстраивался в смешанный тип, тяготеющий к французской его модели, учрежденной Наполеоном в 1808 году.

Точно так же и в начале 90-х годов XX века с содержательной стороны ключевым направлением судебно-правовой реформы было определено расширение и развитие в его смешанном типе (а поздний советский уголовный процесс, вне сомнения, относился именно к смешанному типу) демократических, состязательных, а также диспозитивных начал, что выразилось в закреплении и последовательном проведении, во многом благодаря активной позиции Конституционного Суда России⁵, принципов состязательности, уважения чести и достоинства, неприкосновенности личности, жилища, презумпции невиновности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, свободы оценки доказательств и свободы обжалования процессуальных решений и действий, ограничивающих права и свободы личности, либо создающих угрозу их ограничения, либо затрудняющих доступ к правосудию. Так же как и в XIX столетии, остро стояла проблема внедрения принципа разделения властей и обеспечения независимости суда от административных, а до падения СССР – партийных, органов государства, отвечавших за эффективную борьбу с преступностью, освобождения его от несвойственных ему обвинительных функций, достижения реального равноправия сторон обвинения и защиты, а также укрепления прав и потерпевшего, и обвиняемого даже где-то в ущерб обезличенному публичному интересу.

Отдельно следует сказать о таком важном с точки зрения эффективности правового регулирования общественных отношений моменте, как конечность и временная разумность уголовного судопроизводства, которые в совокупности образуют формальную определенность уголовно-процессуальной формы. Так, Н.Н. Розин, описывая дореформенный уголовный процесс XIX века, указывал, что до 87,5 % судебных приговоров содержали решение «об оставлении в подозрении», что негативно сказывалось на стабильности общественных отношений⁶. В советском же уголовном процессе самым активным образом применялся институт возвращения уголовного дела из

суда для производства дополнительного расследования. Верховный Суд даже предпринимал отчаянные попытки искоренения практики вынесения судами таких решений вместо оправдания подсудимого⁷, на которое судьи, не обладавшие реальной независимостью, часто просто не могли решиться. Возможность многократного и по сути бесконечного движения уголовного дела в суд и обратно позволяло в советские времена фактически «оставлять подсудимого в подозрении».

С общественно-психологической точки зрения причины обеих реформ состоят и в крайне негативном общественном мнении, которое сложилось в отношении системы уголовной юстиции – как в середине XIX века, так и в конце века XX.

Наконец, с позиции юридической технологии проведение обеих реформ опиралось на очевидное сочетание положительного, как казалось их авторам, отечественного опыта, так и разумное заимствование уголовно-процессуальных институтов зарубежных стран, а в случае с нашей современной реформой – еще и международных стандартов в отправлении правосудия по уголовным делам. Уже упоминался институт судебного следователя, который фактически был заимствован из французского уголовного процесса и переработан в условиях российской действительности середины XIX столетия, аналогично авторы реформы поступили и с судом присяжных, и с кассационным порядком проверки законности и обоснованности приговоров. Современный же российский уголовный процесс на основе зарубежного опыта получил процессуальную форму исключения доказательств ввиду их недопустимости, институты принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и досудебного соглашения о сотрудничестве, процессуальный порядок получения судебного разрешения на производство в стадии предварительного расследования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также судебный порядок избрания самых строгих мер пресечения в отношении обвиняемого и подозреваемого.

Оценивая ход судебно-правовых реформ XIX и конца XX веков и внедрение их положений в

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда России от 17 апреля 1984 г. № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования» (в ред. постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11) (утратило силу) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и Российской Федерации по уголовным делам. – М., 1996. – С. 240–246.

⁵ Некоторые авторитетные ученые считали данную позицию излишне активной, например, В.П. Божьев. См.: Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.

⁶ См.: Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 35.

жизнь, следует снова вспомнить об удивительной повторяемости истории. Дело в том, что, начавшись с радужных приветствий со стороны большей части юридической общественности, обе реформы, несмотря на очевидные успехи, позволяющие их назвать движением вперед, и, по крайней мере, не признать безрезультатными или ошибочными, столкнулись с самого начала набравшим силу противодействием, которое в исторической науке в отношении Судебных Уставов 1864 года получило обозначение «контрреформа». В отношении же современных преобразований столь жесткий термин в науке пока не применяется, хотя необходимость в нем все более ощущается.

Если бы стояла задача кратко сформулировать главное и общее завоевание обеих судебно-правовых реформ, то при всем субъективизме собственного суждения можно было бы смело назвать небывалый рост юридической активности и юридического самосознания населения страны. Именно эти два явления позволили и в XIX веке, и на рубеже тысячелетий существенно поднять престиж юридической профессии, дать мощнейший толчок к развитию института адвокатуры и всей системы судебной защиты прав личности. И это в равной степени, хоть и в разных масштабах, характеризует обе судебно-правовые реформы.

В остальном же следует признать, что Судебные Уставы 1864 года оказались куда более продуктивными с точки зрения свершения процессуальной революции в отечественном уголовном судопроизводстве, нежели реформа конца XX – начала XXI веков. Конечно, переход от позднесредневекового розыскного уголовного процесса в XIX веке к смешанному не может не быть более ярким событием, чем пусть и принципиальная, но все же модернизация советского смешанного уголовного процесса до смешанного нового российского. Тем не менее, создается стойкое убеждение, что проведенные в самодержавной России преобразования оставили нам процессуальное наследие «на века», а вот новеллы Уголовно-процессуального кодекса России 2001 года могут не прожить и 20-ти – 30-ти лет. Так, в современном уголовном процессе были возрождены институты мировой юстиции и суд присяжных, которые были учреждены именно в XIX веке, да и организация следственной и прокурорской деятельности в основе своей корнями уходит в Уставы 1864 года. И связано это с тем, что при всех недостатках и компромиссных решениях, которых нельзя было избежать в ходе подготовки и утверждения Судебных Уставов, у реформы 1864 года была стройная логическая структура, суть которой – уголовное преследование организационно не может корректи-

ровать объективное познание обстоятельств совершенного преступления и воздействовать на власть судебную. Отсюда возникает институт именно судебного следователя, пусть и с известными издержками, объективного и беспристрастного, которому, разумеется, можно доверить такую цель уголовного процесса, как достижение пресловутой объективной истины по делу. При этом ему не мешают чрезмерные формально-юридические барьеры в процессе доказывания или в системе стадий уголовного процесса, нет даже стадии возбуждения уголовного дела, хотя водораздел между полицейской и процессуальной следственной деятельностью уже ощутим. В то же время логично, что в уголовном процессе самодержавной России при ее особом внимании к публичности сферы борьбы с преступностью не применяются никакие элементы концепции «уголовного иска», вроде сделок о признании вины или целесообразности уголовного преследования.

Современный же уголовный процесс, будучи результатом реформы 90-х годов XX века, как раз прослыл образцом противоречивости, эклектичности и непоследовательного внедрения идей концепции «уголовного иска» в традиционную (еще с дореволюционных времен) ткань уголовно-процессуальной формы, нацеленной на достижение объективной истины. В результате, демократические принципы, соответствующие этой концепции, обреченно увязли в старой структуре досудебного производства и уголовно-процессуального доказывания, характерной для парадигмы «объективная истина». Вот почему среди предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального права к числу наиболее обсуждаемых в науке относятся объективная истина и гарантии ее установления⁸, отказ от стадии возбуждения уголовного дела⁹ (а первый шаг на данном пути в марте 2013 года был сделан), а также возрождение института судебного следователя¹⁰. Опять же странно, что ког-

⁸ Этой проблеме был посвящен специальный номер журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал». См.: Дискуссионная трибуна // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 5–287.

⁹ См.: Гаврилов Б.Я. Влияние уголовно-процессуального законодательства на состояние борьбы с преступностью: цифры и факты // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 16–17.

¹⁰ См.: Рябина Т.К., Козьявин А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. – 2009. – № 21. – С. 10–13; Рябина Т.К. Следственный комитет или судебный следователь // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 17–21.

да данные предложения облакаются в форму законодательной инициативы, они нелогично друг друга не предполагают¹¹.

Пожалуй, лишь одна процедура в современном российском уголовном процессе, если проанализировать практику, действительно удалась – это особый порядок судебного разбирательства в порядке главы 40.1 УПК России, столь активно практикующийся в российской судебной системе.

Ход обеих судебно-правовых реформ, как уже было указано выше, с течением времени лишь усиливал противодействие им. И здесь снова вспомним об историческом свойстве «возвращаться на круги своя», которое вызвало к жизни единую логику законодательной «контрреформы» и в XIX, и в XXI века: усиление полицейского, розыскного, публичного начала в ущерб состязательности и правам личности, независимости суда.

Так, в 1870 году министру юстиции позволили командировать для осуществления функций судебных следователей своих чиновников, в 1874 г. установлена зависимость адвокатуры от судов, в 1885 году появились изъятия из принципа судейской несменяемости, в 1887 г. введены ограничения для гласности в судах, в 1871, 1872 и 1878 годах судебное разбирательство по государственным преступлениям заменено административным производством, в 1878 и 1889 годах сокращена компетенция суда присяжных и т.д.¹²

В современном же российском уголовном процессе произошло нечто похожее, причем усилия в «контрреформе» почти поровну разделили законодатель и Конституционный Суд России. Так, в 2003 году впервые с момента реформы расширены основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК России, в 2008 и 2013 году состоялось очередное их расширение. Фактически был реанимирован институт возвращения уголовного дела из суда для производства дополнительного расследования, весьма популярный среди ученых-процессуалистов и практиков¹³,

в том числе и в целях предъявить обвиняемому более тяжкое обвинение, в том числе и по инициативе суда, как неожиданно и наперекор ранее сформулированным правовым позициям указал Конституционный Суд¹⁴.

В 2005 году снят принципиальный запрет на поворот к худшему при проверке уже вступивших в законную силу приговоров суда, а в 2007 году – при возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. В 2006 году введена возможность проведения заочного судебного разбирательства при отсутствии согласия подсудимого. В 2007 году усложнено производство дознания, существенно урезаны полномочия прокурора по надзору за следствием с их передачей руководителям следственных органов, прокурор лишился права возбудить уголовное дело самостоятельно и давать согласие на возбуждение каждого уголовного дела. В 2008 году существенно сужена подсудность суда с участием присяжных заседателей. В 2011 году созданием Следственного комитета России началось реформирование следственных органов, которое, как утверждают многие, должно завершиться созданием на основе Следственного комитета сверхмощного и сверхцентрализованного единого следственного органа с лишением МВД и ФСКН их следственных аппаратов. В 2014 году в Государственную Думу внесен законопроект об усечении презумпции невиновности, снятии всех барьеров для возвращения уголовного дела из суда на следствие, о восстановлении такого основания, как отмене приговора, как неполнота, необъективность и односторонность исследования обстоятельств уголовного дела¹⁵. Нет определенности, устоят ли особые правила, введенные в эпоху президентства Д.А. Медведева, в отношении поводов к возбуждению

Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 96–100; Они же. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда России по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения <<http://www.iaaj.net/node/1409>> (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).

¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда России от 2 июля 2013 г. № 16–П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. – 2013. – 12 июля.

¹⁵ Александр Бастрыкин добрался до истины: инициатива силовиков о второстепенности презумпции невиновности внесена в Госдуму <http://www.ng.ru/politics/2014-01-31/1_bastrykin.html> (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).

¹¹ Обсуждение законопроектов: проект федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу" <<http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>> (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).

¹² См.: Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 41.

¹³ Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: Науч. – практ. пособ. – М., 2006. С. 99–100; Лукожев Х.М. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования // Научные труды. РАЮН. Выпуск 5: В 3-х т. – М., 2005. – Т. 3. – С. 135–136;

уголовного дела, оснований его прекращения и порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу применительно к преступлениям в сфере предпринимательства.

Безусловно, каждое из состоявшихся изменений уголовно-процессуальной формы является отдельным объектом для дискуссии, и в задачу настоящей статьи не входит оценка их правильности или ошибочности. Вместе с тем, общая тенденция возвращения на дореформенные позиции и в XIX, и в XIX веках все-таки прослеживается: в России демократические, состязательные начала не приживаются и постепенно сворачиваются¹⁶.

Есть у такой общей судьбы судебно-правовых реформ XIX и XXI века и удивительно общие исторические причины: в России традиционно не было и нет ни одной социальной сферы, где реально стимулируется конкуренция, а без конкуренции в экономике, производстве, политике, науке, образовании, медицине и социальной сфере не может быть и конкуренции (состязательности) в уголовном судопроизводстве и в системе отправления правосудия вообще. Ей объективно не было места в самодержавном российском государстве века XIX, так и не решившемся на завершение всего комплекса социальных реформ учреждением Конституции и конституционной монархии с принципом разделения властей. Поэтому отчасти неудачи судебно-правовой реформы, как и крестьянской, историки связывают с их так называемой «половинчатостью». Примечательно, что большинство дореволюционных ученых (И.Я. Фойницкий, Н.Н. Розин, Вл. Случевский и др.) в своих трудах не раз обосновывали значимость принципа разделения властей в государственном организме, опираясь на уже внедренный Судебными Уставами 1864 г. принцип разделения процессу-

альных функций обвинения, защиты и юстиции¹⁷. Увы, нет конкуренции места и сейчас – в государстве, пронизанном всеобъемлющим монополизмом.

Поэтому не удивительно, что основным аргументом в пользу отступления от ключевых положений судебно-правовой реформы является несоответствие новых процессуальных форм менталитету российского народа, его правовым традициям, а также конкретному историческому моменту и его общегосударственным задачам. Так мотивировал необходимость контрреформ в объяснительной записке министр юстиции Российской Империи Н.В. Муравьев¹⁸, таковы же и доводы современных ученых-процессуалистов, политических деятелей и руководителей государственных органов и служб¹⁹.

В отличие от Судебных Уставов 1864 года, сохранивших свою силу и значимость в большинстве тех сфер, которые не касались государственного самодержавного строя, и упраздненных лишь в результате тотального социального потрясения – Октябрьской революции 1917 года, российская судебно-правовая реформа XXI века, все более усугубляя разрыв между декларированными принципами и реальной уголовно-процессуальной деятельностью, вряд ли оставит потомкам какое-либо оригинальное правовое наследие.

Нужно признать, что у обеих судебно-правовых реформ одинаковая судьба – в той или иной степени остаться совокупностью несбывшихся надежд, ибо заложенный в них социальный потенциал, направленный на правовое воспитание социально активного населения и развитие гражданского общества, в целом был не реализован. Возможно, в этом видится основание для разработки новой концепции судебно-правовой реформы в России.

Библиография

1. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. – С. – Петербург, 1870. – 235 с.
2. Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.

¹⁶ Об этом в частности убедительно докладывала на конференции «Уголовная юстиция: связь времен» профессор В.А. Лазарева. См.: Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калининский. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 71–77.

¹⁷ См.: Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С.119–186.

¹⁸ См.: Высочайше учрежденная комиссия для просмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 65 и сл.

¹⁹ Судьям предложат не полагаться на позиции прокуроров и адвокатов < <http://www.rbcdaily.ru/society/562949990413884> > (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.)

3. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. – СПб., 1900. – Т. 1. – 94 с.
4. Гаврилов Б.Я. Влияние уголовно-процессуального законодательства на состояние борьбы с преступностью: цифры и факты // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 15–23.
5. Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: Науч. – практ. пособ. – М., 2006. – 280 с.
6. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 96–100.
7. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда России по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).
8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
9. Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 71–77.
10. Лукожев Х.М. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования // Научные труды. РАЮН. Выпуск 5: В 3-х т. – М., 2005. – Т. 3. – С. 135–136.
11. Рябинуна Т.К. Следственный комитет или судебный следователь // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 17–21.
12. Рябинуна Т.К., Козявин А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. – 2009. – № 21. – С. 10–13.
13. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.
14. Щедрина Ю.В. Обеспечение независимости судей специальных (сословных) судов в России в 60-е – 80-е гг. XIX в.: проблемы правового регулирования (на примере духовного суда) // Политика и Общество. – 2012. – 11. – С. 126–133.
15. Щедрина Ю. В. Несменяемость судей в России во второй половине 60-х-конце 80-х гг. XIX в.: законодательное закрепление и практика реализации // Право и политика. – 2012. – 9. – С. 1618–1627.

References

1. Arsen'ev K.K. Predanie sudu i dal'neishii khod ugovnogo dela do nachala sudebnogo sledstviya. Sbornik prakticheskikh zametok. – S. – Peterburg, 1870. – 235 s.
2. Bozh'ev V. «Tikhaya revolyutsiya» Konstitutsionnogo Suda v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskaya yustitsiya. – 2000. – № 10. – S. 9–11.
3. Vysochaishe uchrezhdennaya komissiya dlya peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. Ob'yasnitel'naya zapiska k proektu novoi redaktsii uchrezhdeniya sudebnykh ustanovlenii. – SPb., 1900. – Т. 1. – 94 s.
4. Gavrilov B.Ya. Vliyaniye ugovno-protseessual'nogo zakonodatel'stva na sostoyanie bor'by s prestupnost'yu: tsifry i fakty // Ugovno-protseessual'noe zakonodatel'stvo v sovremennykh usloviyakh: problemy teorii i praktiki: sb. statei / [Abramochkin V.V. i dr.]. – М.: Volters Kluver, 2010. – S. 15–23.
5. Davydov V.A. Peresmotr v poryadke nadzora sudebnykh reshenii po ugovnym delam: proizvodstvo v nadzornoi instantsii: Nauch. – prakt. posob. – М., 2006. – 280 s.
6. Kal'nitskii V.V., Kuryakhova T.V. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po voprosu vozvrashcheniya ugovnogo dela v dosudebnoe proizvodstvo // Ugovnoe pravo. – 2009. – № 4. – S. 96–100.
7. Kal'nitskii V.V., Kuryakhova T.V. Sushchestvo i poryadok realizatsii pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii po voprosu o vozvrashchenii dela prokuroru dlya usileniya obvineniya (poslednee poseshchenie – 24 fevralya 2014 g.).
8. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii / Sost. S.A. Pashin. – М.: Respublika, 1992. – 111 s.

9. Lazareva V.A. Stereotipy myshleniya kak tormoz stanovleniya sostyazatel'nosti v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6–8 oktyabrya 2010 goda / Sost. A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskii. – M.: ZAO «Aktion-Media», 2012. – S. 71–77.
10. Lukozhev Kh.M. Vozvrashchenie ugovnogo dela dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya // Nauchnye trudy. RAYuN. Vypusk 5: V 3–kh t. – M., 2005. – T. 3. – S. 135–136.
11. Ryabinina T.K. Sledstvennyi komitet ili sudebnyi sledovatel' // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2011. – № 1. – S. 17–21.
12. Ryabinina T.K., Kozyavin A.A. Sistemnye protivorechiya protsessual'noi formy predvaritel'nogo rassledovaniya i puti ikh razresheniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2009. – № 21. – S. 10–13.
13. Khrestomatiya po ugovnomu protsessu Rossii: Uchebnoe posobie / Avtor-sost. prof. E.F. Kutsova. – M.: Gorodets, 1999. – 272 s.
14. Shchedrina Yu.V. Obespechenie nezavisimosti sudei spetsial'nykh (soslovnykh) sudov v Rossii v 60–e – 80–e gg. XIX v.: problemy pravovogo regulirovaniya (na primere dukhovnogo suda) // Politika i Obschestvo. – 2012. – 11. – С. 126–133.
15. Shchedrina Yu. V. Nesmenyaemost' sudei v Rossii vo vtoroi polovine 60–kh-kontse 80–kh gg. XIX v.: zakonodatel'noe zakreplenie i praktika realizatsii // Pravo i politika. – 2012. – 9. – С. 1618–1627.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.